

V

О БЕЗМОЛВИИ

Блаженны нищие духом, ибо
их есть Царство Небесное.

Евангелие от Матфея
5:3

Открыто искал я мудрости
в молитве моей.

Книга премудрости Иисуса сына
Сирахова
51:18

 истематичность и логическая последовательность нашего повествования требуют сделать некоторое отступление для того, чтобы продолжить тему, начатую в предыдущей главе. Отступление это будет заключаться в исследовании вопроса взаимоотношения человеческого разума с волей Божией.

Полное изложение темы воли Божией затруднено, как это ни странно, слишком подробным освещением этого вопроса в Писании. В Библии, особенно в Новом Завете, имеется такое обилие речений, формул, перекрестных ссылок, что возникает сомнение, возможно ли еще что-либо к сему прибавить, что-то объяснить. Ведь одно только цитирование может занять объем не одной главы.

Прочтем лишь несколько выдержек, начав с Апостола Павла: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам *познавать, что есть воля Божия*, благая, угодная и совершенная» (Рим 12:2); «не будьте нерассудительны, но *познавайте, что есть воля Божия*» (Еф 5:17). Подчеркиваем, что в обоих случаях Апостол призывает к *познанию* воли Божией.

Взглянем теперь на реченное Иисусом: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего меня Отца» (Ин 6:38); «Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен, ибо *не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца*» (Ин 5:30); «Ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой» (Ин 8:28); «Истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все то, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь» (Ин 5:19–20).

Та же тема познания воли Божией отчетливо различима и в молитвах Иисуса: «Отче наш... да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:9–10; Лк 11:2); «Да минует Меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26:39); «Отче Мой!.. да будет воля Твоя» (Мф 26:42); «Отче!.. не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22:42).

Читатель, воспринявший всю совокупность символики пищи как познания, увидит тот же мотив познания воли Божией и в других высказываниях. Однако и тут можно услышать новые нотки: «Моя *пища* есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин 4:34).

За исключением последнего примера, Иисусу нет необходимости обращаться к языку ино-сказания, доступному немногим. Тут истина не нуждается в сокрытии от внешних из-за опасности ложного с ней обращения и причинения себе или другим вреда. Иисус зовет всех за Собой: «Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8:12).

Не моя воля, но Твоя да будет!.. Но человек должен не просто провозгласить это, — ибо, будучи всего лишь произнесены, слова эти не ценнее слов книжников и фарисеев. Человек должен осуществить в себе принцип «да будет воля Твоя». Однако сделать это чрезвычайно трудно, — как сказано: «много званых, а мало избранных» (Мф 20:16; 22:14); «званные не были достойны» (Мф 22:8). Иначе говоря, несмотря на призыв Иисуса, люди продолжают...

Кому-то может показаться, что нужно продолжить, сказав: «продолжают творить свою собственную волю», — но ведь «не может человек ничего принимать на себя» (Ин 3:27). И на самом деле люди продолжают быть всего лишь игрушкой в руках князя мира сего и не понимают, что нужно освободиться от «сети диавола, который уловил их в свою волю» (2 Тим 2:26). Для кого сказано сие? Для одних ли только фарисеев? — «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти [волю] отца вашего» (Ин 8:44). Сразу же заметим, что вот тут-то речь идет не о каком-то неверном управителе, а о настоящем князе мира сего¹. Другое дело, что к попаданию под влияние диавола, к попаданию в его сети, гораздо более склонен тот, кто управляет неверно, кто не отставил от управления расхитителя дома Божия, приняв его в дом свой в качестве слуги. Впрочем, об отставке неверного управителя от управления домом мы заговорили еще рано.

Итак, люди продолжают творить волю диавола, исполнять похоти его, будучи облечены в «плотские помышления [которые] суть вражда против Бога» (Рим 8:7). Это к таким людям обращены слова: «Вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели, и не имеете Слова² Его, пребывающего в вас» (Ин 5:37–38). Поэтому «грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин 9:31).

Обратим внимание, что в последнем фрагменте рядом стоит: «чтит Бога» и «творит волю Его». Сие почитание, взаимонеотъемлемое от творения Его воли, и составляет у Христа наибольшую заповедь в законе: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф 22:37–38).

2

Итак, Иисус учит замене того, что мир привык называть свободной волей, но что на самом деле есть не что иное, как похоти диавола, — на волю Божию. Говоря чуть иначе, Он учит замене мудрости века сего на мудрость Божию, «мудрость, сходящую свыше» (Иак 3:17). Сия высшая мудрость недостижима иначе, как отказом от мудрости века сего. Последняя несопоставима по малости своей с мудростью Божией, ибо эти «разновидности» мудрости исключают друг друга: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость века сего есть безумие перед Богом» (1 Кор 3:18–19).

Достижение этой высокой цели требует устранения плотских помышлений, то есть любых помышлений, идущих от плоти, от мира. Отвергающий сии помышления, отвергающий мудрость века сего, мира сего, освобождает тем самым место для сходящей свыше мудрости. Он должен установить внутреннее безмолвие, внутренний покой, мир. Тот самый мир, о котором Апостол Иаков говорит: «Плод... правды в *мире* сеется у тех, которые хранят *мир*» (Иак 3:18).

¹ На ранних этапах нашего повествования мы не делаем различия между «князем мира сего» и диаволом.

² В Синодальном тексте со строчной буквы, — читатель позже поймет, почему мы подчеркиваем такие тонкости.

Иаков, конечно же, не одинок в проповеди внутреннего покоя, внутреннего мира. Вот что пишет о предмете нашего исследования Апостол Павел: «*Мир* Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Флп 4:7); «да владычествует в сердцах ваших *мир* Божий» (Кол 3:15). Присовокупим к этим словам и выдержку более почтенного возраста, внеся в нее пояснения, единящие ее с новозаветными формулами: «Блажен человек, который снискал мудрость [сходящую свыше], и человек, который приобрел [высший] разум! Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота. Она дороже драгоценных камней... пути ее — пути приятные, и все стези ее — *мирные*» (Прит 3:13–17). Обратим внимание в последнем фрагменте на противопоставление искомой мудрости серебру и золоту — сия символика известна читателю, — о меди нет и речи...

Кому-то может показаться, что «мир» и его производные можно истолковать в политическом смысле — как отсутствие войны, — то есть внешним образом. Однако не представляет труда показать, что подобная попытка имеет весьма мало общего с учением Иисуса Христа. И вспомнить достаточно лишь одну выдержку: «Когда будут говорить: „мир и безопасность“, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (1 Фес 5:3). Вот в последней-то выдержке, как и дальше, речь как раз идет о мире в политическом смысле — «подумают, что настал мир; но тогда-то и постигнут землю бедствия — меч, голод и великое смятение» (3 Езд 16:22).

Вернувшись к приведенным ранее речениям Апостола Павла о мире (Флп 4:7; Кол 3:15), отметим, что в обоих случаях Павел говорит о сердце. Сие в определенном смысле есть ключ, особенно если вспомнить, что сердце является символом очень важной части человеческого существа, а не только анатомическим органом: «изнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк 7:21–22; Мф 15:19). И человек, устанавливающий в своем сердце безмолвие, мир Божий, неизбежно должен отречься от этих помыслов.

Такое отречение есть обрезание в сердце — истинное обрезание: «Итак обрежьте крайнюю плоть *сердца* вашего» (Вт 10:16); «и обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей, *дабы жить тебе*» (Вт 30:6). Последняя выдержка ясно говорит, зачем нужно обрезание в сердце. Так же недвусмысленно связывает и Иеремия отказ от злых желаний с призывом снять «крайнюю плоть с сердца вашего» (Иер 4:4).

О людях, водимых похотями диавола, можно найти указание и в новозаветном учении из пророчества Стефана, говорившего силою Духа о людях противоположного качества: «люди с необрезанным сердцем и ушами» (Деян 7:51). Ну про уши, допустим, нам и без того все было понятно, — это люди, которые своими ушами слышат и не разумеют, о чем не сказать лучше, чем то сделал Иеремия: «Вот, ухо у них необрезанное, и они не могут слушать» (Иер 6:10). А теперь мы знаем, что есть обрезание и в сердце. Вероятно, самое блестящее заключение по этому поводу вновь принадлежит Павлу: «Не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по Духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (Рим 2:28–29). В другом месте Павел также пишет об обрезании нерукотворном (Кол 2:11).

Читаем у Фомы: «Ученики сказали Ему: Обрезание полезно или нет? Он сказал им: Если бы оно было полезно, их отец зачал бы их в матери обрезанными. Но истинное обрезание в духе обнаружило полную пользу» (Фома 53).

Рассматривая вопрос мира с чуть иной стороны, скажем, что человек, беспрерывно и громко говорящий, не способен слышать обращенного к нему шепота. Да и станет ли кто обращаться к тому, кто не слушает никого, кроме себя, в худшем смысле этого слова. Здесь заслуживает упоминания Иисус сын Сирахов, хотя пока мы еще и не сможем оценить всю глубину тайны его слов: «Говори, юноша, если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен. Говори главное, многое в немногих словах. Будь, как знающий и вместе как *умеющий молчать*... и, когда говорит другой, ты много не говори» (Сир 32:9–11).

О том, кто этот «другой», не приходится долго ломать голову, памятуя, в чьей власти находится человек. И когда этот «другой» замолкает, пусть даже поначалу ненадолго, то тут человеку может посчастливиться стать сотаиником Иова: «Тихое веяние, — и я слышу голос... И вот, ко мне *тайно* принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него» (Иов 4:16, 12). А не надо ли было написать здесь «Слово»?

Подчеркнем вновь, что самый простой и естественный способ услышать Слово — услышать его из тишины: «И сказал [Господь]: выйди и стань на горе пред лицом Господним. И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние *тихого* ветра, и там Господь» (3 Цар 19:11–12). Иными словами, Господь является в *тишине*.

«Когда все окружало *тихое безмолвие*, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с небес от царственных престолов на середину погибельной земли всемогущее Слово Твое» (Прем 18:14–15).

К молчанию призывает Господь:

«Господь — во святом храме Своем: да *молчит* вся земля пред лицом Его!» (Авв 2:20);

«Умолкни пред лицом Господа Бога!» (Соф 1:7);

«Да *молчит* всякая плоть пред лицом Господа! Ибо Он поднимается от святого жилища Своего» (Зах 2:13).

Так передавали слово Божие пророки.

Итак, мир, покой, безмолвие на всех уровнях человеческого существа, и, прежде всего, в сердце, является ключом для последующего восприятия в себе воли Божией, сходящей свыше мудрости, ключом к тому, чтобы *увидеть и услышать* Отца Творящего.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет об устранении не тех лишь помышлений, кои *считаются* плотскими, греховными, а об установлении полного безмолвия разума, полной пустоты, дабы сия пустота могла быть затем заполнена волей Божией или, если хотите, Духом Святым целиком, не оставляя места для постороннего. Ведь нечто малое, будучи не уничтожено, может послужить тем, о чем сказано: «Малая закваска квасит все тесто» (1 Кор 5:6; Гал 5:9), и, оставив не уничтоженной малую часть, мы тем самым оставляем и то, что не от Бога, а «никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Лк 16:13; Мф 6:24). Сие означает в числе прочего, к сожалению, и то, что милосердие и другие добродетели могут быть добродетелями кажущимися, они могут быть не от Бога, чему мы столь часто бываем свидетелями, — за ними может скрываться, например, фарисейское самолюбование или гордыня — прямая антитеза того идеального состояния, о котором мы говорим.

В «Пастыре» Ерма* тема несовместимости разнородных помыслов звучит с несколько иными мотивами, хотя и заключает в себе одинаковый с Синоптиками* смысл: «Когда человек наполнит сосуды хорошим вином и между ними поставит несколько сосудов неполных, то, приходя испытать и попробовать сосуды, не думает о полных, ибо знает, что они хороши; а отвеживает неполные, не скисли ли они, потому что неполные сосуды скоро окисают и

теряют вкус вина. Так и диавол приходит к рабам Божиим, чтобы искусить их. И все те, которые полны веры, мужественно противятся ему, тогда он приступает к тем, которые не полны веры, и, имея возможность войти, входит в них, делает с ними, что хочет, и они становятся его рабами» (II.12:5).

Вопросам, связанным с миром, безмолвием, апокрифические Евангелия уделяют места едва ли меньше, нежели Евангелия канонические. Для иллюстрации сего прочтем первые строки так называемого Апокрифа Иоанна: «Учение Христа и откровение тайн, скрытых в *молчании* всех вещей, коему Он обучил Иоанна, своего ученика» (Апокриф Иоанна 1:1–4).

А вот другой пример: «Когда нечто станет пустым, оно наполнится светом, но когда оно становится разделенным, оно наполняется тьмой» (Фома 65). Естественно, что на этом этапе мы еще не можем дать полного толкования всего высказывания, но нам важно, что, дабы наполниться светом, необходимо сделать сие «нечто» пустым. Как видим, и здесь разделение влечет, как и у Ерма, худые последствия — наполнение тьмой.

Было бы несправедливо, если бы, говоря о безмолвии, мы не коснулись и послепостольских писаний. И несправедливость сия проявилась бы прежде всего в отношении Игнатия* Богоносца, ибо его перу принадлежат строки, заслуживающие самого серьезного внимания: «Лучше *молчать* и быть, нежели говорить и не быть. Хорошее дело учить, если тот, кто учит, и творит. Поэтому один только Учитель, Который сказал и исполнилось, и то, что совершил Он в *безмолвии*, достойно Отца. Кто приобрел слово Иисусово, тот истинно может слышать и Его *безмолвие*, чтобы быть совершенным, дабы и словом действовать и в *молчании* открываться» (Еф 15).

Есть по крайней мере две причины, почему этот фрагмент заслуживает более пристального внимания. Игнатий проводит параллели между человеком и Богом, однако последние строки с очевидностью относятся к одному только человеку, ибо мотив «чтобы быть совершенным» в применении к Богу бессмыслен. Что же может означать «в молчании открываться» в отношении человека? Перед кем может открываться человек? Ясно, что не перед Богом: для Всеведущего человек, как, впрочем, и любая тварь, и так открыт (ср. 2 Кор 5:11). Если же задуматься над возможностью для человека открываться перед другим человеком, то сразу же всплывает абсурд. Ведь молчание — необходимое условие для того, чтобы скрыться от людей, а вовсе не чтобы открыться.

Вторая причина заключается в том, что на другие языки, например на английский, последние слова Игнатия переведены как «становиться известным», что заставляет нас вспомнить тот же мотив, который был рассмотрен нами в предыдущей главе (I.IV.5, с. 130) в связи со средним залогом греческого языка (*medium*).

Если же предположить, что и тут мы имеем дело со средним залогом, когда субъект не является активным действующим лицом, но не является и полностью пассивным, то тогда получается, что человек не «становится известным», а получает познание. Последние слова Игнатия в этом случае обретают значение: «...и в молчании получать знание, откровение». Это намного более осмысленная формулировка.

В отличие от многого другого принцип безмолвия не канул в Лету забвения в древнее время. В XIV веке Мейстер Экхарт¹ учил: «Лучшее и благороднейшее, к чему можно прийти в этой жизни, это молчать и дать Богу говорить и действовать в тебе. Когда все силы

---

¹ Уже при первой ссылке на Мейстера Экхарта надо предостеречь читателя, что его «Духовные проповеди и рассуждения» нужно воспринимать лишь как конспект, записанный его слушателями так, как они его проповеди поняли, то есть допускается, что нечто было искажено, а иное и вовсе опущено.

отрешены от своих дел и образов, изрекается Слово. Поэтому и говорится: „Среди молчания было сказано мне тайное Слово” (О вечном рождении).

Быть может, упоминание Мейстером Экхартом сил укажет читателю правильное направление рассуждений в истолковании следующего: «Дела человека происходят от его силы. Поэтому их называют силами. Его дела — его дети, которые происходят из *покоя*. Поэтому его сила обитает в его делах, а покой открывает себя в детях... Он делает свои дела благодаря своей силе, но благодаря *покою* он порождает своих детей» (Филипп 86). Ведь проповедь, из которой мы заимствовали слова о силах, озаглавлена: «О вечном рождении».

Не с целью укрепить читателя в важности понятия внутреннего безмолвия, но больше для интереса к будущему повествованию, приведем еще несколько отрывков, имеющих отношение к исследуемой нами в настоящей главе теме.

«Жена да учится в *безмолвии*, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в *безмолвии*» (1 Тим 2:11–12);

«Жены ваши в церквах да *молчат*, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит» (1 Кор 14:34);

«[Жены...] Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный *сердца* человек в нетленной красоте *кроткого и молчаливого* духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет 3:3–4).

3

Смысл сказанного об установлении внутреннего безмолвия и покоя перекликается и с уже приводимой нами известной притчей: «Никто не приставляет заплат к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплатка от новой» (Лк 5:36). Зная теперь уже, символом чего является одежда, можем добавить, что ее надо не латать в надежде сохранить старые воспоминания о ее удобстве и тепле, а менять на другую, для чего старую одежду необходимо предварительно снять.

Правильно поняв отличие истинной мудрости от «мудрости века сего», мы чуть иначе прочтем слова Павла: «И Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, для Еллинов безумие» (1 Кор 1:22–23). И теперь мы можем без затруднений объяснить, почему Христос «для Еллинов безумие». При разумении принципа внутреннего безмолвия, внутреннего молчания, мы поймем, почему Павел писал так, а не иначе. Дело тут вовсе не в политеистичности культуры и философии эллинов — политеистическими в те времена были религии всех народов мира, кроме иудеев. Дело в том, что с цивилизацией эллинов неразрывно связано зарождение науки, в которой невозможно назвать ни одной отрасли, будь то астрономия, математика, механика, оптика, биология, медицина, стоящей на ином фундаменте, нежели заложенный греками. В известном смысле эллины — прародители «мудрости века сего». Именно мудрости века сего ищут эллины. И неудивительно, что отказ от мудрости века сего в пользу внутреннего безмолвия, пустоты, есть для них полнейший абсурд и с их точки зрения равносителен настоящему безумию, которое хуже всякого бреда. Конечно, что же еще являет собой учение Христа для эллинов, если не безумие?

Продолжая тему внутреннего безмолвия, зададим и такой вопрос: не связан ли внутренний мир с тем малым, о котором сказано: «Верный в малом и во многом верен; а неверный в малом неверен и во многом» (Лк 16:10)? Ведь сие малое столь мало, что представляет собой ничто, пустоту. И ведь человек, постигший это малое, имеет слово Господне, пребывающее в нем, а тот, кто не имеет сего малого или кто в этом малом неверен, тот может считать себя

сколь угодно *праведным* или быть святым в глазах других, однако это о нем слова Павла: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки» (1 Кор 4:10). Но мало того, что они не восприняли сего малого,—ведь и следующее обращено тоже к ним: «Вы стали царствовать без нас. О, если бы вы [и в самом деле] царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!» (1 Кор 4:8). Прервем это направление рассуждений, дабы не возвращаться к вопросу об учениях человеческих.

Но уж коль скоро мы упомянули о праведности, нам сразу следует сделать уточнение, что праведность заключается не в следовании правилам человеческих законов и учений, и не в строгом исполнении буквально, по плоти понятых заповедей Писания, и даже не в высоком мнении окружающих людей, часто склонных поклоняться ложным авторитетам. *Праведность*, и это следует уже из самой морфологии этого слова, заключается в познании истины — в ведении обретаемой через безмолвие правды: «язык его [праведника] произносит правду» (Пс 36:30).

Поняв принцип внутреннего мира и смысл формулы «безумны Христа ради» (1 Кор 4:10), становится просто понять известнейшие заповеди блаженства. Истинное разумение мира дает осмысление реченного о сынах Божиих: «Блаженны *миро*творцы; ибо они будут наречены *сынами Божиими*» (Мф 5:9).

И не этим ли ключом внутреннего мира открывается тайна, заключенная в словах: «Не придет Царствие Божие приметным образом; и не скажут: „вот, оно здесь“, или: „вот, там“. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20–21)!!! Впрочем, не будем торопиться в отношении того, что в нас.

4

Вернемся к вопросу установления внутреннего безмолвия, мира, как ключа к тому, чтобы «вы исполнились познанием воли Его» (Кол 1:9), дабы «остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет 4:2), ибо «Бог производит в вас и хотение и действие» (Флп 2:13).

Вот что говорит о применении сего ключа Иисусом Апостол Павел... Но прежде чем обратиться к Павлу, сделаем замечание касательно слова «уничжил» в его речи. На самом деле гораздо более точным переводом соответствующего греческого глагола (*κενόω* — *кенó*) будет «опоражнивать» или «опустошать». Особенно после сказанного нами о пустоте мы сможем должным образом оценить такое наблюдение.

Итак, «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил [точнее: *опустошил*!] Себя Самого... *смир*ил Себя, быв послушным... Посему и Бог превознес Его» (Фил 2:6–9). Вот! Мы нашли, наконец, словарное соответствие изложенного выше понимания внутреннего безмолвия понятию современного христианства — *смирение*!

Сразу вспоминается и другое: «Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня; ибо Я кроток и *смирен сердцем*; и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф 11:29–30). «Сколько ты велик, столько смирайся, и найдешь благодать у Господа. Много высоких и славных; но тайны открываются *смир*енным. Ибо велико могущество Господа, и Он *смир*енными прославляется» (Сир 3:18–20). «Молитва *смир*енного проникнет сквозь облака» (Сир 35:17); «Близок Господь к сокрушенным сердцем, и *смир*енных духом спасет» (Пс 33:19); «Сердца сокрушенного и *смир*енного Ты не презришь, Боже» (Пс 50:19).

«Так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий,— Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и *смир*енными духом, чтобы оживлять дух *смир*енных и оживлять сердца сокрушенных» (Ис 57:15). Подобным речениям нет конца.

Заговорив о смирении, мы хотели бы сразу договориться с читателем о правильном понимании сего термина. Дело в том, что в современном употреблении «смирение» означает непротивление, согласие, покорность. Мы же говорим не об этом. Для нас в слове «смирение» важен только корень «мир»¹, и именно такое смирение представляется тем самым ключом, который открывает путь к высшему сознанию. Не все считают нужным делать сию оговорку, потому что трудно изменить смысл знакомого понятия в разуме читателя. Вместо смирения некоторые используют иные термины. Потому читатель должен понимать, что иные учителя, говоря об отрешенности (как Мейстер Экхарт) или успокоении (как Шри Ауробиндо), имеют в виду именно смирение в библейском смысле, но не смирение, как его понимает современный мир.

Мы вообще рекомендуем читателю задумываться над смыслом слов, ибо мир сей до неузнаваемости исказил смысл некоторых из них, и уже никто не видит лести в прелести, хищения в восхищении, вранья в превращении, осуждения в критике (*κρίσις* — *кризис* — суд).

Смирение как установление мира имеет преимущество перед смирением как покорностью и непротивлением. Ибо можно иметь последнее и не иметь первого, но нельзя, имея первое, не иметь и второго. И мир в душе вместе с покорностью Божией воле лучше, нежели смирение перед злом со смятением в душе.

Тут уместно заметить, что греческие переводчики Ветхого Завета знали, что слово *אָנָב* (*anáv*) — нуждающийся, нищий, неимущий — не несет в себе смысла лишь материальной нужды, и они переводили сие слово не только вышеназванными словами, но и как «смиренный», «кроткий»: «Господи! Ты слышишь желания смиренных (*אָנָב*)» (Пс 9:38); «Кроткие (*אָנָב*) наследуют землю и наслаются множеством мира (покоя)» (Пс 36:11).

Это наблюдение позволяет, если не сказать заставляет, сделать предположение, что в несохранившемся арамейском оригинале Евангелия от Матфея, то есть в проповеди Иисуса, было использовано именно то слово, правильным переводом которого на еврейский было бы *אָנָב*, *anáv*, означающее и «нищий» и «смиренный».

Вот, оказывается, кто такие «нищие духом» из известнейшей формулы: «Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:3; Лк 6:20). Оказывается, блаженны *смиренные* духом! И все-таки мы никак не можем обвинить Матфея ни в сознательном искажении при переводе, ни в плохом знании греческого, потому что этот перевод единственно возможен, ибо аллегорически он наилучшим образом связывает тему смирения с обещанным нами в предыдущей главе *обнищанием*!

И именно о *таком* обнищании сказано: «Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк 14:33). Это высказывание теряет содержащуюся в нем соль при владении тайнами раскрытой символики неверного богатства. Именно так, иными глазами должны мы ныне смотреть на многие ветхозаветные речения:

«Мудрость лучше силы, и однако же *мудрость бедняка* пренебрегается, и слов его не слушают» (Ек 9:16); «Вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного [нищего] духом» (Ис 66:2); «Высок Господь, и смиренного видит, и гордого узнает издали» (Пс 137:6).

Или: «Смирись пред Господом, и вознесет вас» (Иак 4:10); «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4:6); «Смирись под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время» (1 Пет 5:6); «Взыщите Господа, все смиренные земли, исполняющие законы Его; взыщите правду, взыщите *смирennemудрие*» (Соф 2:3); «Облекитесь *смирennemудрием*, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет 5:5).

¹ Строго говоря, искать связей, построенных не на еврейских или греческих корнях, — запрещенный прием. Нас извиняет лишь то, что мы не строим на этом родстве корней доказательства и не используем это как прием убеждения. Родство корней русских слов «мир» и «смирение» играет роль всего лишь иллюстрации.

В последних приведенных фрагментах, взятых и из Ветхого, и из Нового Заветов, нам встречается достойная внимания модификация слова, весьма близкого к смирению — смиренно-мудрие. За сим словом, очевидной производной от смирения, стоит греческое *ταπεινοφροσύνη* (*тапинофросине*). Внимания сие слово заслуживает по двум важным причинам.

Во-первых, такая производная корня «мир» естественным образом заставляет нас увидеть связь между миром, смирением и разумом, мудростью (которая сходит свыше). Во-вторых, читателю может быть интересно узнать, что такое словообразование, характерное только для новозаветного греческого языка, не встречается в эллинистической литературе. Естественно сделать предположение, что такой неологизм явился буквальным переводом, калькой соответствующего арамейского слова или иврита (ср. Соф 2:3; Мих 6:8). Подробное исследование происхождения сего слова представляется в рамках настоящей работы не вполне оправданной задачей. Если бы такого слова не было ни в греческом, ни в иврите, то, имея в виду сказанное, следовало бы его изобрести в русском...

Вместе с пониманием смысла смирения становится понятно, почему не убийство, не хищение, не прелюбодеяние, а именно упомянутая уже раз гордыня считается самым тяжким грехом: «Отвратительно для гордого смирение» (Сир 13:24).

Гордыня есть отражение устремлений прямо противоположных формуле «Не Моя воля, но Твоя да будет». «Начало гордости — удаление человека от Господа и отступление сердца его от Творца его; ибо начало греха — гордость» (Сир 10:14–15). Она есть *иллюзия* принципа «Не Твоя воля, но моя да будет». При этом бывает забыто, что «Погибели предшествует гордость, и падению — надменность. Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми» (Прит 16:18–19); «Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными — мудрость» (Прит 11:2); «Гордость человека унижает его, а смиренный [или *нищий*] духом приобретает честь» (Прит 29:23). Последнее в устах Иисуса звучало так: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет; а унижающий себя возвысится» (Лк 14:11; Мф 23:12).

Слова об унижении могли напомнить внимательному читателю наши краткие замечания в главе о началах символики касательно стыда. И кому-то могло показаться, что именно стыд, а вовсе не смирение, является антонимом гордости. Ведь одно дело гордиться чем-то, совсем же противоположное этого же стыдиться. Гордость и стыд действительно противопоставлены друг другу, но только по человеческому разумению. И как часто бывает с вещами человеческими, противоположности в крайних своих проявлениях смыкаются. Рассудите сами: человек может быть слишком горд, чтобы нищенствовать, но человеку может оказаться и слишком стыдно нищенствовать. Как видит читатель, гордыня ли, стыд ли — ведут к одному результату. Не станем поэтому останавливаться на стыде и уделим более внимания сравнению гордыни и смирения.

5

Целый ряд интересующих нас выдержек содержат слова о смирении «пред Господом» или «пред лицом Господним». Эти словосочетания дают ответ на вопрос, какое именно смирение имеет в виду Иисус, и как соотносятся смирение пред Богом со смирением перед человеком. И разве Сам Иисус казался всегда смирен пред людьми? Откроем Евангелие от Матфея: «И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи» (Мф 21:12). Попробуйте представить себе Иисуса, *смирненно* опрокидывающего столы и скамьи и *кротко* выгоняющего торговцев из храма.

«Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лк 12:51); «Порождения ехиднины!» (Мф 12:34); «Пойдите, скажите этой лисице...» (Лк 13:32). Неужели в сих отрывках есть хоть что-нибудь, указывающее на смирение пред людьми?! Приходится при-

знать, что если Христос и призывал к смирению пред людьми, то лишь в той степени, в какой сие соответствовало воле Божией, смирению пред Господом.

Читаем далее: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян 5:29); «Не подчиняйся человеку глупому, и не смотри на сильного» (Сир 4:31). И даже более того: «Ни сыну, ни жене, ни брату, ни другу не давай власти над тобою при жизни твоей» (Сир 33:19). Об этом же и слова Павла: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человекам» (1 Кор 7:23). Ведь не будет же читатель утверждать, что с отменой рабства слова эти потеряли смысл!

Именно смирение пред Господом и познаваемая через это воля Божия должна определять Христовым сонаследникам их отношения с другими людьми, и, конечно же, могут возникать ситуации, подобные той, когда Иисус говорит Петру: «Отойди от Меня, сатана!» (Мф 16:23). Где тот актер, который произнесет такое смиренно?!

Здесь нельзя упустить, что вопрос гордыни пред людьми должен рассматриваться чрез призму исполнения или неведения воли Божией. К нашей теме прямишее отношение имеют слова Апостола: «Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас» (2 Кор 5:13). Иначе говоря, если воля Божия состоит в том, человек, ее исполняющий, может повести себя так, что это может быть иными истолковано как выход из себя. Такое случилось даже с Самим Иисусом, когда люди «говорили, что Он вышел из Себя» (Мк 3:21). Да и Павел вовсе не оправдывается, говоря: «Если мы выходим из себя, то для Бога» (2 Кор 5:13).

Совершенный может повести себя так, что это может быть истолковано даже как гордыня. Вновь приводя пример Иисуса, мы можем напомнить сцену допроса у Пилата (Ин 18:33–37; 19:9–15). От неверующего не требуется особой предвзятости, чтобы приписать Иисусу гордыню, когда Он то отвечает «ты говоришь», не давая конкретного ответа, а то и вовсе как будто не слышит задаваемых Ему Пилатом вопросов.

Дабы предвосхитить всевозможные недоразумения в решении вопроса того, что может и что не может быть истолковано как выход из себя или гордыня, мы должны тут же оговориться, что надо решительно отвергнуть гнев, не говоря уже о насилии, ибо «гнев человека не творит правды Божией» (Иак 1:20), — как пишет Иаков. А Павел призывает: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем. И не давайте места диаволу... *Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас*» (Еф 4:26–31). Почитаем и Ветхий Завет: «Глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность» (Иов 5:2); «Не будь духом твоим поспешен на гнев; потому что гнев гнездится в сердце глупых» (Ек 7:9). Посему при всяком случае, связанном то ли с раздражением, то ли с яростью, то ли с гневом, то ли со злоречием и всякою злобою, и речи быть не может об исполнении *осознанной, познанной* воли Божией. Вот вам и «гнев праведный» в отношении человека.

Уделив в только что цитированном фрагменте столько внимания слову «ярость», обратим внимание на слова из жития некоего человека, почитаемого за святого, который умел соединить смирение с яростью. За сим чудотворцем числится целый ряд и других подвигов, однако величайшее чудо его состоит именно в этом — в умении соединить с кротостью ярость. Ведь чудо — не что иное, как осуществление чего-то невозможного. В этом смысле, то, что умел совершить он, — чудо вдвойне, если не во сто крат, ибо воистину легче насытить толпу несколькими каменными сухарями, ходить по морю аки посуху, отверзать очи слепым, двигать горы, оживлять мертвых, воскреснуть самому, нежели сделать то, что невозможно сделать ни с какой точки зрения. Ибо ярость абсолютно несовместима с миром, кротостью, смирением, смиренномудрием.

Мы не собирались приводить в настоящей книге согласных нашему мнению, не относящихся к древней христианской литературе, но один из таких фрагментов, выдержку из Иоанна* Лествичника, мы не можем обойти вниманием. Надо сказать, что, вообще говоря, мы далеко не во

всем с ним согласны, но следующая мысль настолько важна и точно сформулирована как в концептуальном аспекте — с точки зрения изъяснения сути установления внутреннего безмолвия, так и — самое главное — с точки зрения практического осуществления этой задачи для читателя, коему все писанное в сей книге представляется чем-то большим, нежели развлечением, пренебречь ею мы не можем. Итак (Лествица 8:13):

Если признак крайней кротости состоит в том, чтобы и в присутствии раздражающего сохранять тишину сердечную и залог любви к нему; то, без сомнения, крайняя степень гневливости обнаруживается тем, что человек наедине сам с собою, словами и телодвижениями как бы с оскорбившим его препирается и ярится.

Обращаем внимание читателя: Иоанн Лествичник говорит о признаках двух крайних, противоположных, степеней интересующего нас состояния. Но ведь существуют и степени, лежащие между этими краями. Человек, например, может наедине сам с собою как бы с собеседником «мирно» спорить по некоторым вопросам. Но если мы задумаемся над этим, то откроем совсем иной смысл завета Иисуса: «Не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте» (Мк 13:11). Мы, как нам кажется, сказали достаточно, дабы понять, почему нельзя обдумывать и заботиться наперед, что говорить. Вместо этого нужно хранить мир. И, если исполните этот завет, сохраняя мир, освобождая место для сходящей свыше мудрости, освобождая место для Духа Святого, сии заботы устроятся сами собой, и «что дано будет вам в тот день и час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой» (Там же).

В качестве итога промежуточного этапа этой главы сделаем замечание, что кому-то из читателей может показаться, что смирение пред Богом антитетично дерзновению к Богу, о коем столько было сказано в предыдущей главе. Однако это далеко не так, и прежде всего потому, что оба эти понятия имеют свои собственные антитезы. Если смирение противопоставляется гордыне как упованию на свои собственные силы в познании мудрости века сего, то противопоставлением дерзновению является боязливость в получении познания от Бога, познания совершенного, сомнение в получаемом или тем паче отвержение мудрости, сходящей свыше. А мы надеемся, читатель не станет сомневаться в бессмысленности всерьез ставить на одну чашу весов гордыню упования на свои силы и боязливость. Таким образом, как видит читатель, и здесь все стоит на своих местах.

6

Мы остались в долгу перед читателем в части данного в прошлой главе обещания завершить изложение темы поста в отношении учеников Иоанновых и самого Иоанна Крестителя. Тогда мы сказали, что в отношении изоляции учеников фарисейских от Божественного знания не может быть двух мнений. А как быть с Иоанном Крестителем?

Как уже может догадаться читатель, вопрос поста Иоаннова имеет более чем непосредственное отношение к нынешней теме. Действительно, вспомним: «Пришел Иоанн Креститель: *ни хлеба не ест, ни вина не пьет*» (Лк 7:33; Мф 11:18). Владея ключом открытой нами символики, мы можем понять, что Иоанн Креститель олицетворяет *безмолвие*, сохраняемое за счет отказа и от книжной мудрости, и от бессознательного знания.

Связь между нищетой, смирением и постом для многих языков может быть открыта лишь как результат расшифровки символов. Все проще в иврите. Глагол **עָנָה** (*aná*), однокоренной со знакомым читателю **עָנָה** (*anáv* — смиренный, нищий), в породе *пу'эль* означает «смиряться через *пост*» (ср. Лев 23:29).

Но вернемся к Иоанну. Ведь помимо того, что он есть Креститель, он же и Предтеча Христа, для Коего должно было приготовить пути, прямыми сделать стези Ему (ср. Мф 3:3; Мк 1:3; Лк 3:4). Иоанн Креститель — глас вопиющего, он не пребывает в безмолвии, но сам собою безмолвие символизирует! Эта образность столь же проста, сколь и несравненна по глубине мудрости. Коль скоро позволительно говорить о рождении Христа в сердце верующего, то Предтечей Христа в его сердце должны быть мир и безмолвие, которые приносит в сердце Иоанн Креститель!

Если к величию сей мудрости стоит прибавлять что-либо, сказанное о посте, то пусть первым будет фрагмент «Пастыря» Ерма: «Бог не хочет такого [обыкновенного, понимаемого буквально] суетного поста; ибо постясь таким образом [по обыкновению], ты не совершаешь правды. Постись же Богу следующим постом: не лукавствуй в жизни своей, но *служи Богу чистым сердцем*; соблюдай заповеди Его, ходи в Его повелениях, и не допускай никакой злой похоти в сердце твоём... прежде всего воздерживайся от всякого дурного слова и злой похоти, и *очисти сердце твое от всех сует века сего*. Если соблюдешь это, пост будет праведный» (III.5:1,3).

Фрагмент «Пастыря» Ерма стоило привести еще и потому, что он созвучен обличению пророков Захарии и Исаии: «Скажи всему народу земли сей и священникам так: когда вы постились и плакали в пятом и седьмом [месяце], притом уже семьдесят лет, для Меня ли вы постились? для Меня ли? И когда вы едите и когда пьете, не для себя ли вы едите, не для себя ли вы пьете?» (Зах 7:5–6). «Они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: „почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?“ — Вот, *в день поста вы исполняете волю вашу*... Вы поститесь для ссор и распрей... Таков ли тот пост, который Я избрал?... Это ли называешь постом и днем угодным Господу?» (Ис 58:2–5). Тому, кто воспринял символический язык хотя бы в отношении поста, должны быть ясны глубина греха и полный абсурд соделываемого: «в день поста вы исполняете волю вашу».

Традиционное христианство во главе с православием обосновывает необходимость соблюдения плотских постов такими словами Иисуса: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, *но придут времена, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни*» (Мк 2:19–20; Мф 9:15; Лк 5:34–35). Тем самым, не желая признавать свою полную непричастность чертогу брачному, они тем не менее явно признают, что жених у них отнят, а того, что «Христос в вас» (Кол 1:27), они просто не замечают, да последние слова Павла к ним и не относятся. Но не будем забегать вперед...

Мы сказали, что к величию тайны Иоаннова поста вряд ли можно что-либо прибавить. Это почти что так, но тему безмолвия нельзя оставить без изъяснения тайны Иоаннова крещения: «Я крещу вас в воде в покаяние» (Мф 3:11). Если к сему переводу и можно предъявить претензии, то лишь по одной причине. Он содержит глагол «крестить» (*βαπτίζω — бантизо*), давным-давно приобретший смысл совершения церковного таинства. На самом деле греческое *βαπτίζω* означает «мыть». Иоанново крещение есть омовение чрева водой — очищение разума от скверн помыслов, рождаемых миром (космосом), которым управляет князь. Сие есть не что иное, как освобождение разума от плотских помышлений. Причем именно с помышлениями связано и покаяние, ибо оно по-гречески есть *μετάνοια (метано́йя)*, что значит *перемена помышлений*. И за омовением чрева, за очищением помышлений, обязательно должно последовать исполнение в Духом: «Но идущий за мною сильнее меня; я недостоин понести обувь Его. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф 3:11).

Уяснение символики воды, в которой происходит крещение — омовение чрева, избавляет нас от подробных объяснений по поводу роли чистой надежды в очищении разума. А вот о том, что является сутью этой надежды, нам говорить рано. Но не ясно ли уже теперь, что

плоть свою человек может мыть сколь угодно часто, и можно даже называть это крещением или перекрещиванием (анабаптизмом), но, подобно тому, как обрезание плоти ничего не стоит без обрезания в сердце, так же и омовение плоти, как бы мы ни называли сие, — напрасно (о, если бы только напрасно!), если не сопровождается очищением разума от скверн мира, покаянием.

Если наш читатель подумал, что мы имеем что-то против традиционного перевода последнего цитированного стиха, то такой читатель не прав. Сей стих не может быть переведен на русский язык более удачно, а не то получалось бы: «Я мою вас в воде, чтобы вы изменили помышления». Сомнительная связь причины и следствия.

Говоря в контексте поста, отказа от еды и питья, о безмолвии, являющемся ключом к высшему разумению, будет безрассудно упустить обстоятельства *обращения* того человека, которому мы более всего обязаны в истолковании Учения Христа. Мы говорим, конечно же, об Апостоле Павле. Нам нет необходимости пересказывать историю Савла-Павла, ибо она изложена в Деяниях Апостолов. Мы же приведем такие слова: «Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел... И три дня он не видел, и не ел, и не пил» (Деян 9:8–9). Завершением же поста Савла было то, что он «исполнился Святаго Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, *крестился, и приняв пищи*, укрепился» (Деян 9:17–19).

Быть может, до знакомства с символическим языком читатель и воспринимал сей рассказ только буквально, однако ныне совсем иначе надо понимать, почему исполнению Духом должно было предшествовать трехдневное воздержание от еды и питья. Да и продолжительность Павлова поста с точки зрения тайн чисел также не вызывает сомнений¹. Не должно вызывать сомнений и обстоятельство, связанное со слепотой Савла. Кстати, если читатель думает, что он более зряч, нежели Павел до исполнения Духом Святым, когда «как бы чешуя отпала от глаз его», то советуем подумать над такими словами: «Ты говоришь: „я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды“; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг... глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» (Отк 3:17–18).

6.1

Понимание вопроса о мире затрудняется помимо общих трудностей, обусловленных применением языка символов и иносказаний, еще и тем, что в современном русском языке слова «мир» как мир, покой и безмолвие и «мир» в качестве среды, окружения, космоса, имеют одинаковое написание. До реформы орфографии этой проблемы не существовало, ибо мир как покой и безмолвие имел написание «миръ», в то время как мир как среда писался через «і» — «міръ». Неискушенный читатель рискует перепутать «миръ» с «міромъ», а между тем эти понятия противопоставлены друг другу в библейском понимании.

Мир как покой и безмолвие являет собой ключ к высшему, необходимое условие на пути к совершенству богоподобному, в то время как мир в качестве окружения, в коем мы живем, таков, что «дружба с миром есть вражда против Бога» (Иак 4:4), что надо быть «не от мира сего» (Ин 8:23), ибо мир есть препятствие, подлежащее преодолению на пути к совершенству. Учтя сказанное, прочтем еще раз: «Мир [міръ, окружающее] проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин 2:17); «Мир [миръ, покой] оставляю вам, мир (миръ, покой) Мой даю вам; не так, как мир [міръ, внешнее] дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин 14:27). Вот мы и вернулись вновь к сердцу.

¹ Просим читателя простить нас за такое заявление. Тайна числа три будет рассматриваться в XI главе.

7

Изменим направление наших рассуждений. И поговорим о заповеди, которая в букве своей не имеет и малейшего касательства к теме безмолвия. Собственно, она вообще ни к чему не имеет отношения, если воспринимать только ее буквальную оболочку. «Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей» (Лев 19:27). В этой заповеди столь мало доступного человеку смысла, а в плотском ее исполнении столь мало пользы, что даже доказывать это бессмысленно. Равно бессмысленно искать ответа в библейских словарях и комментариях. Впрочем, сия заповедь, быть может, не самым удачным образом переведена с иврита? Что ж, взглянем на такой вариант перевода: «Не стригите краев волос вокруг головы вашей, и не порти края бороды (קַרְתָּ — *закан*) твоей» (Ваикра* 19:27). Прямо скажем, много понятнее заповедь не стала. Быть может, нам поможет похожая заповедь из той же книги Левит (Ваикра)? Не поленимся прочесть и ее: «Они не должны брить головы своей и подстригать края бороды (קַרְתָּ — *закан*) своей» (Лев 21:5).

Заметим, если уместно упоминать такие глупости, что у этой заповеди нет даже гигиенических обоснований. Нет, мы не шутим и не издаемся над читателем. Действительно, существуют «мудрецы», пытающиеся объяснить запреты на употребление в пищу свинины (ср. Лев 11:7) или на смешивание мясного с молочным (ср. Исх 23:19) тем, что такая пища, мол, неблагоприятна в условиях жаркого ближневосточного климата. Похожими причинами «обосновывается» и смысл обрезания... Одним словом, у заповеди о бороде нет вовсе никаких плотских обоснований или объяснений.

У этой и подобной ей заповедей суть две плотские перспективы: либо быть полностью игнорированной, как поступают традиционные христиане, суетно уповая, что «конец закона — Христос» (Рим 10:4), либо быть понятой в смысле растить пейсы, что и делают ортодоксальные иудеи, не менее суетно веря, что тем самым они делают богоугодное дело. Последние, впрочем, заслуживают уважения и благодарности хотя бы за то, что неприглядность пейсов неизменно бросается в глаза и не дает забыть о существовании заповедей.

Но у сей заповеди — вспомним принцип Маймонида (II.3, с. 35) — должно быть и совершенно разумное и глубокое духовное истолкование, смысл. Оставим пока голову в покое и займемся бородой. «Не порти края бороды твоей», «{они} не должны... подстригать края бороды своей». Но ведь эти два запрета говорят о весьма различных вещах. Одно дело *подстригать* края бороды и совсем другое — края бороды *портить*. Даже более того, подстригая края бороды, человек приводит бороду в порядок, придает ей более благообразный вид. При чем же здесь «портить»?!

Для изъяснения смысла парикмахерских операций с бородой необходимо понять, что же такое борода. Может это какой-то образ? Ну так и есть! Тайна сего образа не представляет в духовном смысле непреодолимой задачи. Достаточно применить принцип бытовых аналогий (I.III.1, с. 74), чтобы понять несовместимость младенчества и бороды, вспомнить о призывах оставить младенческое и возрасти в совершенстве, с коих мы начали все наши труды (ср. 1 Кор 14:20; Мф 10:16; Еф 4:14; Евр 5:13–14). Действительно, по бытовому опыту именно борода, а вовсе не искусность (в различении добра и зла), является самым явным, видимым признаком совершеннолетия. Признаком же совершеннолетия по уму является духовный образ бороды. И наоборот, ум совершенно несвойствен младенцам. В равной степени абсурдно даже представлять себе младенца с бородой.

То, что мы пытаемся доказать, на самом деле не нуждается вовсе ни в каких доказательствах. Мы тем не менее напомним читателю несколько фрагментов из Библии: «Бывай в собрании старцев, и кто мудр, прилепись к тому; люби слушать всякую священную повесть, и притчи

разумные да не ускользают от тебя» (Сир 6:35); «В старцах — мудрость, и в долголетних — разум» (Иов 12:12); «мудрость есть седина для людей» (Прем 4:9). «Как прекрасна мудрость старцев» (Сир 25:7)!

Мы столь дерзко связываем бороду со старцами вовсе не потому, что во времена Соломона и Сираха не существовало электробритвы. Дело совсем в другом. Если не принимать во внимание огласовок, то *борода* (𐤁𐤓𐤀 — *закán*) и *старец* (𐤁𐤓𐤀 — *закэн*) суть слова, абсолютно неотличимые на письме. (Хотя, признаться, у Иова в отношении старцев использовано другое слово.)

Итак, борода представляет собой символ совершеннолетия по уму, образ мудрости, коей человек должен набраться с годами. Но как же быть с советом Павла: «Будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор 3:18)? Как быть со словами Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Ек 1:18)? Разве мудрость не прекрасна (ср. Сир 25:7)? Ужели мудрость не приятна душе твоей (ср. Прит 2:10)? Неужели мудрость не лучше жемчуга? и что сравнится с нею (ср. Прит 8:11)? Не мудростью ли устроится *дам* (ср. Прит 24:3)?

Все так. Но тогда только, когда мудрость проповедуется между совершенными, причем мудрость не века сего (ср. 1 Кор 2:6). Ибо «мудрость, сходящая свыше... беспристрастна и *нелицемерна*» (Иак 3:17). А «глупцы только презирают мудрость» (Прит 1:7). В их глазах мудрость выглядит безобразно, она выглядит, как безумие, она неприятна им (ср. Иер 6:10). Мы говорим, понятное дело о мудрости, сходящей свыше. Мудрость века сего выглядит как раз весьма «благообразно».

Мы говорим не о прописной истине, что проповедь мудрости среди глупых — бессмысленное занятие. И мы не говорим, что глупец избирает ту мудрость, которая льстила бы слуху (ср. 2 Тим 4:3). Самое главное, что мы имеем в виду, — это что в процессе научения человек лишь постепенно постигает мудрость, и то, что ему открывается, может показаться ему непривычным, не увязывающимся с его прежним знанием, странным. Вполне возможно, что человек захочет сообразоваться с веком сим (ср. Рим 12:2), подогнать открывающуюся мудрость под существующие шаблоны, иными словами, придать бороде благообразный вид, отстричь кажущиеся ему безобразно торчащими в разные стороны клочья. Это-то и будет значить «подстригать края бороды своей» (Лев 21:5). Это-то и заповедано законом Моисея.

Заметьте, подстригая края бороды своей, человек неизбежно будет искажать мудрость, сходящую свыше. Потому-то «подстригать края бороды своей» будет равносильно тому, чтобы *портить* края бороды (ср. Лев 19:27). Все просто, оказывается. И никакого противоречия в заповедях книги Левит (19:27 и 21:5) нет.

В заключение этого раздела нам кажется уместным сделать дополнение в отношении того, что мудрость выражает, — Истины. В отличие от любой другой вещи Истину нельзя любить за то, что она нравится. Точно так же Истину нельзя отвергать или ненавидеть потому, что она человеку *не* нравится. Истина самодостаточна и не зависит от мнений. Она не станет лучше от того, что за нее проголосуют толпы; Истина не станет и хуже, если она всеми презираема. Истина останется той же Истиной, сколько бы ее ни «доказывали» мудрецы и сколько бы ее ни «опровергали» глупцы. И Истину надо любить только за одно то, что она — Истина.

Если же человек пытается совместить для себя глаголы «любить» и «нравиться» по отношению к Истине, то его «любовь» к ней рано или поздно доходит до таких пределов, что он будет готов пойти на любую ложь «ради Истины». Но только это будет уже не Истина и даже не истина. То, что он любит, и будет сама ложь.

Такие вот интересные следствия обнаруживаются в не имеющей, как кажется, никакого смысла заповеди Закона Моисея. Прибавлять ли нам к сказанному, что буквальное следование этой заповеди бесполезно (если только не иметь в виду необходимость ее сохранения)? Прибавить ли, что нарушение ее духовного смысла грозит катастрофой? Сказать ли, что для того, кто исполняет заповедь о бороде в ее истинном смысле, она уже не является законом плоти?

8

Еще раз изменив направление наших рассуждений, заметим, что принцип внутреннего безмолвия, достигаемого концентрацией и медитацией, существует уже многие века в религиях Востока. Однако это не должно отталкивать христианского читателя, заставляя его отрицать сей принцип лишь потому, что он более воспринят представителями буддизма и индуизма. Наоборот, такое единообразие должно лишь радовать нас, ибо сие дает возможность убедиться в единстве основ, составляющих творение Божие и его принципы, при их истинном понимании.

Однако принцип внутреннего безмолвия отнюдь не чужд и христианству, хотя практика достижения безмолвия именуется не медитацией, не концентрацией, а молитвой: «Открыто искал я мудрости [сходящей свыше] в молитве моей» (Сир 51:18). Чтобы кому-то наше добавление не показалось необоснованно спекулятивным, отметим, что Иисус Сирахов говорит именно о мудрости, сходящей свыше: «Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный *нисходит свыше*, от Отца светов» (Иак 1:16–17).

Поняв то, о чем мы говорим в сей главе, становится ясно, что только та молитва может называться собственно молитвой, которая совершается при внутреннем молчании и отрешении от всего постороннего. Теперь ясно, что в молитве, которая, будучи заучена наизусть, совершается под аккомпанемент размышлений о мирском, о плотском, не больше пользы, чем в раскладывании пасьянса или в разгадывании кроссворда. Однако молитва может послужить незаменимым помощником в установлении внутреннего молчания как способ концентрации для отвращения от плотских помышлений. Многие приверженцы и традиционного христианства пользуются этим приемом, стремясь совершать молитву, которая бы не прерывалась ни на секунду сперва под контролем разума, а далее как бы сама по себе, беря под контроль самый разум, независимо от того, занят ли молящийся беседой с кем-то или работой по хозяйству.

А в иудаизме связанная с внутренним безмолвием заповедь не допускает такой вольности: «День седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих» (Исх 20:10; Вт 5:14). Слово «суббота» или «*шабат*» по-еврейски происходит от глагола «покоиться» (שבת, ср. Быт 2:2–3). Дело, конечно, не в том, чтобы обеспечить гарантии права на отдых, как это сделано в трудовых законодательствах, но, как мы знаем благодаря Маймониду (см. I.П.11, с. 102), в том, что глагол שבת используется в смысле прекращения речи, того мысленного монолога, что постоянно произносится человеком. Речь идет о том же безмолвии.

Итак, молитва ни в коем случае не есть способ выражения своего «я» в обращении к Всевышнему уже хотя бы потому, что «мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Рим 8:26). Бог не нуждается в молитве человека. В ней нуждается человек! Подобным образом *молитва не есть творческий акт*, как думают некоторые, ибо человек ничего не может творить от себя: «Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба» (Ин 3:27). Вспомним еще раз: «Истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все то, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь» (Ин 5:19–20). Так вот, молитва и есть способ «увидеть Отца», после чего только и может стать возможным творить.

Молитва есть способ *смирения* своего «я» с целью услышать ответ на прошение у Него того, что Он знает лучше человека, прежде осознания человеком своей нужды в просимом: «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа» (Рим 8:26–27).

«И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на утлах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в *многословии* своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так:

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; *да будет воля Твоя* и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Мф 6:9–13).

Да! Но как нам оценить с точки зрения их многословия подавляющее большинство и православных, и католических, и протестантских молитв, кои подчас в десять — пятнадцать раз превосходят указанную молитву? Читатель, надемся, понимает, что, приняв во внимание наши аргументы, чтение такой молитвы по книге для установления внутреннего мира не более полезно, нежели чтение газеты, ибо такое чтение разрушает внутренний мир, а не устанавливает его. С другой стороны, заучивание наизусть длинных молитв ничем не лучше заучивания коротких из-за знания Отцом нужд человека и без того. Итак, любая молитва, ставящая целью иное, чем установление внутреннего безмолвия, тщетна и *суетна*¹.

Молитва есть способ обращения к Богу. Глагол «обращаться» в данном случае означает не столько просьбу или прошение в смысле изложения Ему своих нужд или жалоб, и даже не способ изъявления Ему своей любви, ибо Бог и без молитв наших знает нам цену. Но молитва — способ поворота, обращения лица своего от сует мира, от мира, лежащего во зле, к Богу. Молитва — способ обратиться (**שוב** — *шув*; **στρέφω** — *стрéфо*), то есть изменить направление, обернуться (**שוב**, **στρέφω**), развернуться от тьмы внешней к Богу. Как сказано, «Я снял с себя одежду мира и оделся *вретищем* моления моего; буду взывать к Вечному во дни мои. Дерзайте, дети, взывайте к Богу, и Он избавит вас от насилия, от руки врагов» (Вар 4:20–21).

Дабы не впасть в соблазн относительно того, что пророк снимает с себя одежду мира (покая), мы должны пояснить, что в данном случае имеется в виду одежда, которую носят в обычное, мирное время. Иными словами, пророк не снимает одежду внутреннего мира, но мира внешнего. В недавнем прошлом мы уже говорили о различии в этих понятиях.

Заметим попутно, что точно так же о *внешнем* мире на земле говорит и Иисус во фрагменте, приводя который мы хотели бы предостеречь от его ложного понимания тех из наших читателей, кто воспринял наши рассуждения об истинном мире, а также предупредить критику тех, кто остался нами не разубежден: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех. Отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери» (Лк 12:51–53).

Тем временем мы спросим: ну а тот, сняв одежду внешнего покоя, постоянно обращен к миру спиной и лицом к Богу, будучи облечен во вретище, нуждается ли в молитве? Воздержимся

¹ Здесь было бы уместно Павлово «в безумии говорю». Однако на настоящем этапе это действительно так. Для того же чтобы изменить мнение о цели молитвы нам следовало бы не меньше, чем истолковать каждое слово молитвы Господней. Сия молитва становится выше безмолвия только со знанием ее смысла. А без такового и достигаемое ею безмолвие пока будет удовлетворительным результатом.

от суждения, оставив его риторическим в рамках канонических текстов, хотя «знаем, что любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу» (Рим 8:28).

Но взглянем на следующий стих Евангелия Фомы: «Они сказали Ему: Пойдем помолимся и попустимся. Иисус сказал: Каков же грех, который Я совершил или которому поддаюсь?» (Фома 108).

Добавим, ибо это весьма уместно сделать именно теперь, что обнищание и облачение во вретнице не противоречит тому, чтобы приобретать себе друзей богатством неправедным. И неверный управитель вовсе не водворяется в геенну огненную, но, напротив, предназначается для принятия в вечные обители. При этом нужно правильно понимать эту кажущуюся антиномию, ибо тот, кто принимается в вечные обители, уже не является более из-за нищеты своей управителем, но слугой, приносящим пользу в виде возможности уменьшить при его помощи долг хлеба и масла. И услугами отставленного управителя мы не преминем воспользоваться в будущем. Однако вернемся к теме молитвы.

9

Рассуждения о молитве как о практическом способе обретения столь необходимого для достижения совершенного сознания внутреннего безмолвия и обращения от мира к Богу ведут нас к потребности провести краткий анализ еще одного символа, хоть сие и может показаться кому-то из читателей странным скачком логики повествования. Взглянем на два фрагмента, говорящих о молитве: «Услышь голос молений моих, когда я взываю к Тебе, когда *поднимаю руки* мои к святому храму Твоему» (Пс 27:2) и «Итак, желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, *воздевая чистые руки* без гнева и сомнения» (1 Тим 2:8).

Опираясь на приведенные фрагменты, можно заключить, что руки являются теми членами, роль которых в молитве не может быть в символическом понимании сравнена ни с чем иным. Последний фрагмент свидетельствует к тому же, что руки должны быть чисты (ср. Ис 1:15; Иак 4:8; Пс 23:4). Чему нас это учит? — спросит нетерпеливый читатель. А дело в том, что главной функцией рук является работа, делание дел, и это свидетельствовано тем, что словосочетание «дела рук» встречается в Писании бесчисленное число раз, едва ли имея конкурентов по частоте употребления. Ну, например: «Твое дело скажет ли о тебе: „у него нет рук“?» (Ис 45:9).

Теперь мы можем обратить внимание на единство задач рук: взывание при молитве и делание дел во исполнение воли Божией. Исполнение же воли Божией мы без сомнений связываем с упоминавшейся нами притчей: «Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и *исполняющий* их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился, и положил основание на камне; почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и *неисполняющий* подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое» (Лк 6:47–49; Мф 7:24–27) ¹.

¹ Такой результат воздействия воды не должен смутить читателя более, нежели итог потопа. Дело в том, что изъязыны в вере не могут быть компенсированы избытком надежды. Совсем наоборот — неправедность веры весьма негативно влияет и на качество надежды, которая может не просто стать «надеждой неблагодарного», но и вовсе перестать быть надеждой и превратиться в ни на чем не основанную (обратите внимание, опять мы говорим о правильном основании) мечту. Читатель должен иметь в виду, что наше истолкование символики воды в III главе носило предварительный характер, и мы никоим образом не коснулись вопроса, что из самого начала книги Бытия следует, что существуют воды вышние и воды нижние. Говоря так, мы весьма значительно забегаем вперед.

Не показалось ли вам, что круг замкнулся?

Руки — молитва — мир — *познание* воли Божией; и опять:

руки — дела рук — *исполнение* воли Божией?

Сколь более интересной после всего сказанного окажется сия мысль: «Рука человека — начало его» (3 Езд 6:10).

Хотя в нашей настоящей книге это наблюдение и будет ценным лишь для малого числа читателей, мы можем указать, что у человека есть правая рука и левая. А как известно из бытового опыта, задачи правой и левой руки не одинаковы. С точки зрения духовного опыта весьма полезно будет отметить роль правой руки: «Ты удержишь меня за правую руку. Ты руководишь меня советом Твоим» (Пс 72:23–24). При этом нельзя упустить из виду, что правое является синонимом правильного далеко не только в русском языке. Еще более интересно то, что едва ли можно назвать такой язык, где левое являлось бы синонимом ложного.

10

Мы сказали недавно, что молитва может оказаться суетной. Но не слишком ли мы изысканны в выражениях, не желая обидеть кого-то из читателей? Ведь невозможно представить себе такого верующего, перед которым не стоял хотя бы один из вопросов: откуда я? куда я иду? зачем? почему в мире зло?..

Ответы на эти вопросы для христианина естественно искать в Библии, исследуя Закон, прося большего разумения, превращая камень в хлеб. Одно из звеньев этой цепи — молитва. Однако разумения чего можно просить, не зная Писания? Суета ли это? Если бы только: «Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва — *мерзость*» (Прит 28:9); «и молитва его да будет в *грех*» (Пс 108:7)!

Поэтому, раскрывая тему молитвы, мы прежде всего имеем в виду тот ее аспект, который связан с хлебом насущным на каждый день (Лк 11:3; Мф 6:11), понимаемом в оговоренном нами аллегорическом смысле. Иначе говоря, мы ведем речь о подготовке путем установления молчания места для мудрости, сходящей свыше, о молитве вопрошания большего разумения, нежели то, которое имеешь. То есть мы говорим о такой молитве, что дана в Третьей книге Ездры: «Молю Тебя, Господи, да дастся мне смысл разумения» (3 Езд 4:22). В конечном счете речь идет об откровении тайн Царствия Божия: «Без откровения свыше народ необуздан» (Прит 29:18).

И было бы крайне странно, если бы мы не могли найти связей молчания с образом откровения — вином, и тут мы возвращаемся к словам, уже встречавшимся нам: «Что смарагдовая печать в золотой оправе, то приятность песней за вкусным вином. Говори, юноша, если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен. Говори главное, многое в немногих словах. Будь, как знающий и, вместе, как умеющий *молчать*... и, когда говорит другой, ты много не говори» (Сир 32:8–11).

Глянем еще на один фрагмент сей книги, начало которого о хлебе может показаться не относящимся прямо к нынешнему повествованию: «Щедрого на хлебы будут благословлять уста, и свидетельство о доброте его — верно; против скупого на хлеб будет роптать город, и свидетельство о скупости его — справедливо. Против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино. Печь испытывает крепость лезвия закалкою; так вино испытывает сердца гордых — пьянством. Вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно. Что за жизнь без вина? оно сотворено на веселие людям. Отрада сердцу и утешение душе — вино, умеренно употребляемое вовремя; горесть для души — вино, когда пьют его много, при раздражении и ссоре. Излишнее употребление вина увеличивает ярость неразумного до преткновения, умаляя крепость его и причиняя раны» (Сир 31:27–35).

За обширностью списка мы не можем даже перечислить, да и не хотим этого делать, всех, появившихся через сомнительное откровение конфессий, конгрегаций, учений, теорий и школ, претендующих на правоту в истине, космогонии, устройстве мира, главный недостаток которых описан чуть не три тысячи лет назад Иисусом сыном Сираховым — неумеренное употребление их авторами вина-откровения при чрезвычайной скупости в отношении хлеба-учения, «ибо многих ввели в заблуждение их предположения, и лукавые мечты поколебали ум их» (Сир 3:24).

Обращает на себя внимание крайняя противоречивость той «мудрости», которая приходит к представителям различных направлений теологии и т. д. Удивительно ли это? Откроем Иеремию: «Скажи им слово сие: так говорит Господь, Бог Израилев: всякий винный мех наполняется вином. Они скажут тебе: „разве мы не знаем, что всякий винный мех наполняется вином?“ А ты скажи им: так говорит Господь: вот, Я наполню вином до опьянения всех жителей сей земли и царей, сидящих на престоле Давида, и священников, и пророков, и всех жителей Иерусалима, и сокрошу их друг о друга, и отцов и сыновей вместе, говорит Господь; не пощажу и не помилую, и не пожалею истребить их. Слушайте и внимайте; не будьте *горды*, ибо Господь говорит» (Иер 13:12–15).

Параллели Ветхому Завету свойственны не только каноническим текстам новозаветного времени: «Иисус сказал: Я встал посреди мира, Я явился им во плоти. Я нашел всех их пьяными, Я не нашел никого из них жаждущими, и душа Моя опечалилась за сынов человеческих. Ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что они приходят в мир пустыми; они ищут снова уйти из мира пустыми. Но теперь они пьяны. *Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются*» (Фома 28).

Отрывок из Исаии, приводимый ниже, хотя, возможно, и не блещет эстетичностью, но образно предельно точен: «Горе венку *гордости* пьяных... шатаются от вина и сбиваются с пути от сикеры; священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, *обезумели* от сикеры, *в видении ошибаются, в суждении спотыкаются*. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет [чистого] места» (Ис 28:1–8). Действительно, для некоторых нет другой пищи, кроме непереваренной блевотины, которая символически исторгается из чрева, пресыщенного вином. Блестящий по стройности образ!

11

Излагая тему познания воли Божией посредством внутреннего безмолвия, мы, во-первых, должны предостеречь читателя, что установление внутреннего мира не есть техника, механически гарантирующая познание или откровение, а, во-вторых, еще раз подчеркнуть, что безмолвие не есть самоцель, но лишь первый этап всего пути, который должен завершиться исполнением волею Божией. Безмолвие есть лишь инструмент для поиска того фундамента, на коем должно быть построено все здание. И тот, кто избрал сие поприще, должен понимать сложность его, должен соразмерить свои силы — не для того, конечно, чтобы, *убоявшись* трудностей, отказаться, но чтобы быть готовым к дальнейшему.

Сие предостережение мы находим в Евангелии в форме иносказаний: «Никто, войдя в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного; и тогда расхитит дом его» (Мк 3:27; Мф 12:29; Лк 11:21–22). Безмолвие, соотнесенное с этой притчей, зашифровано символом связывания сильного — дьявола. Но каким образом связывается сатана? Блестящей в этом смысле является строка послания Игнатия Богоносца (Тралл 4), где он очевидно имеет в виду этого персонажа. Напомним, что Игнатий считался учеником Иоанна Богослова:

Нужна мне кротость, которою низлагается князь века сего.

У Луки есть более прозрачная притча на эту тему: «Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: „этот человек начал строить, и не мог окончить“? Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство *просить о мире*» (Лк 14:28–32). Не будем до времени смущать читателя относительно установления мира с диаволом. Вместо этого и прежде чем продолжить рассказ, напомним, что мотив, похожий на цитированный фрагмент, встречается у Луки и в другом месте: «Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение; когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него» (Лк 11:21–22).

Итак, соразмерив прежде свои силы, требуется при помощи внутреннего мира, безмолвия, смирения, положить основание башни, достигающей со временем Царствия Божия. Без сего безмолвия достичь Царствия Божия нельзя, ибо башня не может строиться без фундамента. Об этом говорит Иисус: «Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк 14:33). Мы приводили эти слова в смысле обнищания, а тут подчеркиваем ими невозможность достижения высших целей при любом ином подходе, не предусматривающем внутреннего безмолвия. Заметим также, что существует и еще одно похожее высказывание, понимание которого неотделимо от вопроса безмолвия: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин 12:25; Лк 17:33).

Фрагмент этот кажется явно противоречивым, и многие современные переводы на русский язык, равно как и переводы на другие языки, толкуют (именно толкуют, а не переводят) приведенную формулировку в том смысле, что любящий свою жизнь потеряет ее, а свою жизнь ненавидящий сохранит ее в вечной жизни. В связи с этим следует признать, что сей «смысловой» перевод является извращением первоначальной идеи, ибо оригинальный греческий текст содержит два разных слова $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$ (*psiché*) и $\zeta\omega\acute{\eta}$ (*dzoe*), могущих означать «жизнь», но не могущих в данном случае быть переведенными одинаково. Синодальный перевод поэтому справедлив: «Любящий душу ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$) свою погубит ее; а ненавидящий душу ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$) свою в мире сем сохранит ее в жизнь ($\zeta\omega\acute{\eta}$) вечную», но мы пока только привлекаем внимание читателя к этим словам, ибо изъяснение сказанного не так просто.

Вернемся к естественному вопросу: а в чем же, собственно, заключается опасность построить один только фундамент? Не лучше ли хоть что-то, чем ничего? Что, единственной проблемой является то лишь, что все видящие сие будут смеяться? Или же надо принять во внимание, что сильнейший возьмет оружие наше, на которое мы надеялись, и *разделит* похищенное? Такая опасность подстерегает тех последователей индуизма, буддизма и теософии, кои видят основную свою задачу в том, чтобы избавиться от жажды жизни, освободиться от всех мирских привязанностей и земных желаний. При сем ясно, что человек, сделавший все в духе упомянутых учений, перестает творить зло. Это хорошо, но легко видеть, что так же точно он перестает творить и добро, становясь бесстрастным и неспособным на любовь.

И тут-то мы не можем не вспомнить таких слов о бесстрастии: «Знаю твои дела; ты не холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Отк 3:15–16). И о любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы пере-

ставлять, а не имею любви,— то я ничто. И *если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы*» (1 Кор 13:1–3). Стоит обратить внимание на выделенную нами часть сего фрагмента, ибо мысль Павла могла бы в устах Иисуса звучать приблизительно так: Кто отрешится от всего, что имеет, устанавливая полное внутреннее молчание, но любви не имеет, тот может быть Моим учеником. Но учеником бесполезным.

Как мы и договорились, мы не будем давать развернутого объяснения роли любви в учении Христа. Однако мы считаем необходимым привести следующие высказывания из апокрифа Филиппа просто в силу небольшой распространенности сего Евангелия: «Вера получает, любовь дает. Никто не сможет получить без веры, никто не сможет дать без любви. Потому, чтобы получить, мы веруем, а чтобы истинно дать, мы любим. Ибо если некто даст без любви, нет ему пользы от того, что он дал» (Филипп 45). «Любовь ничего не берет. Как возьмет она нечто? Все принадлежит ей. Она не говорит: это — мое, — или: это — мое. Она говорит: это твое» (Филипп 110).

12

Однако как можно охарактеризовать положение современного христианского мира в свете темы настоящей главы?

Ответ можно найти у пророка Иеремии, обличения которого, к сожалению, не потеряли злободневности и ныне: «К кому мне говорить и кого увещевать, чтобы слушали? Вот, *ухо у них необрезанное*, и они не могут слушать; вот, слово Господне у них в посмеянии: оно неприятно им... и от пророка до священника — все действуют лживо; врачуют раны народа Моего легкомысленно, говоря: „мир! мир!“, а *мира нет*. Стыдятся ли они, делая мерзости? нет, нисколько не стыдятся и не краснеют» (Иер 6:10–15).

Иеремия говорит о превращении способности слышать слово Божие, а у Филиппа встречаются слова о подобном же превращении способности *видеть* Истину: «Многие видят истину, когда сеют ее, но лишь немногие видят ее, когда убирают [урожай]» (Филипп 16). Но мы снова забегаем вперед.

Эхом Иеремии звучат слова Павла: «Слышим, что некоторые из вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, *работая в безмолвии*, ели свой *хлеб*» (2 Фес 3:11–12). Возымели ли действия увещания и убеждения Апостола?

Кому уподоблю род сей?

Риторика сего вопроса свидетельствует, что, несмотря на наступление новозаветных времен, обличения Иеремии вовсе не потеряли силу (Иер 5:30–31): «Изумительное и ужасное совершится в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это».

Что же вы будете делать после всего этого?

«Неужели Я не накажу за это? говорит Господь; и не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот? Восходите на стены его и разрушайте, но не до конца; уничтожьте зубцы их, потому что они не Господни» (Иер 5:9–10).